

Век Москва. 1999-16 нояб. 05 Голос я леплю из пластилина...

Сергей ДЖЕВАНШВИЛИ

товерным все, что не поддается простому объяснению».

Я — называющая себя поэтом,
Иначе говоря, упав в грехи,
Дерусь, хулиганю, пишу стихи
И никому не мешаю при этом.

... Сижу и набрасываю подстрочник,
мыслей, царящих в моей голове.

Сборники «Часть меня» и «Апокрифы» — это собрания историй о себе. Обучаясь жизни, постигая глубины ощущений, открывая для себя новые стихи, Виктория спешит поделиться прочувствованным. И прежде всего — со своим лирическим героем, на которого и сама-то поглядывает с опаской.

Ты из неволи своего дворца
Пришел в шестиметровую свободу.

Он многолик, и облик его в восприятии Ветровой расплывчат, то до узнавания реален. То он друг-единомышленник, что «спешит состязаться с Богом», то возлюбленный, что «растерял мое счастье», то сказочник в городе, «сотканном из писем и телефонных номеров».

И хотя Виктория рвется «от счастья всех любить», мажорные нотки редко встретишь в ее поэтических откровениях, глаз все чаще спотыкается о слова «печаль» да «грусть». И девичьи раздумья: «Что мне осталось?» ведь «сердце не греет меня», — скорее от переполненности ощущениями, чем

от их недостатка. Еще слышится навивная детская депрессивность, когда манит и пугает все новое, прежде неведанное. А порой раздается плач не столько обиженного, сколько растерявшегося взрослого ребенка. Мотив боязни одиночества тоже навеян раздумьями: «Только жить бы на свете и быть не одной». И она дорожит этим чувством.

Оберегает молодая поэтесса и свою любовь, постигая ее не в простом гадании на ромашке, а в сложных уравнениях. Параллельно приоткрываются мгновения, которые все мы встречаем на своем пути, но не находим нужным выразить или даже обратиться на них внимание. Ведь, действительно, можно и не услышать близкого человека «среди темноты и многоточий», хотя в окно будет стучаться «мотылек надежды»; не заметить, что «этот день вначале бывает разным, а потом становится лишь числом». А Виктория все видит, все слышит, все подмечает.

...Ее мечта — «наутро проснуться в траве, в бесконечное небо уставясь». Небо зовет ее, окрыляя, к полету рифмы, сама природа водит ее рукой по бумаге, превращая доступные проникновенному сердцу фразы в стихи, которые пусть и «безнадежно грустны, как все мои мысли и детские сны».

Кто в школьном детстве или романтической юности не оставлял на полях тетради корявые рифмы! Ну а если вдруг волшебная симфония оказалась сильнее всех знаний из учебников, законов стихосложения и жизненного опыта? Если строчки сплетались в устах ребенка, будто надиктованные свыше? Так случилось с Викторией Ветровой, чьи поэтические сочинения в 1988 году начали печатать газеты и журналы, славя талант девятилетней девочки...

Наталья БОЙКО

В этом году издательство «Голос» собрало в два самостоятельных сборника наблюдения Виктории за жизнью, которая есть «страшный секрет, точнее сказать, история». В книге

«Часть меня» пятнадцати—восемнадцатилетняя поэтесса искренне, без стеснения, как в дневнике, рассказывает о своих уроках любви, ошибках и ожиданиях. «Апокрифы» же «посвящены Человеку», которому свойственно «отвергать и признавать недос-